

ЗНАКОМСТВО СЪ ШАМИЛЕМЪ (*).

(Посвящается П. К. М—су.)

3 октября, я получилъ приказаніе — явиться на слѣдующій день къ полковнику Богуславскому, попеченіямъ котораго правительство ввѣрило имама Шамиля на первое время его плѣна, впредь до окончательнаго водворенія въ Калугѣ. Полковникъ Богуславскій долженъ былъ представить меня знаменитому плѣннику, какъ человѣка, который съ этой минуты будетъ заботиться о немъ, какъ о добромъ своемъ товарищѣ, и жить съ нимъ подъ одною кровлею до самой смерти когонибудь изъ насъ.

Жить съ Шамилемъ! заботиться о немъ!... Когда это приходило мнѣ въ голову?... Напротивъ, я хорошо помню, что за время долгой моей службы на Кавказѣ не одинъ разъ подумывалъ я о томъ, какъ-то будетъ заботиться Шамиль обо мнѣ, когда случайности войны сдѣлаютъ меня его плѣнникомъ?... Про-

(* По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, для постояннаго нахожденія при знаменитомъ плѣнникѣ назначенъ штабсъ-капитанъ Руновскій, служившій доселѣ въ войскахъ Кавказской арміи.

Штабсъ-капитанъ Руновскій, извѣстный читателямъ «Военнаго Сборника» замѣчательными статьями своими «Человѣкъ съ честными намѣреніями», будетъ постоянно продолжать свои записки. Рядъ статей даровитаго сотрудника «Военнаго Сборника», основаніемъ которыхъ будутъ бесѣды съ Шамилемъ, ознакомивъ читателей съ замѣчательною личностію имама, прольетъ новый свѣтъ на Кавказъ, обычаи горскихъ народовъ и, быть можетъ, исторически уяснитъ нѣкоторыя событія ожесточенной борьбы временъ вѣрошлыхъ.

Ред.

сторна пли тѣсна будетъ та яма, въ которую меня засадятъ? До какой степени сносный будетъ въ ней воздухъ? Чѣмъ-то меня кормить будутъ и какого свойства рубище дадутъ мнѣ для защиты отъ холода и сырости, въ замѣнъ моего собственнаго костюма, который, сдѣлавшись, по праву войны, однимъ изъ трофеевъ моего хозяина, быть можетъ, поступитъ въ составъ гардероба моей будущей, милой хозяйки?... Не разъ случалось также мнѣ видѣть и сны подобнаго содержания.... то были сны страшные,—страшные до того, что, несмотря на всю пріятность пробужденія и на сознаніе, что «то былъ сонъ», я невольно начиналъ, на всякій случай, перебирать въ умѣ средства къ освобожденію своему изъ будущаго плѣна....

Но теперь кончено! я ужь не попадусь къ Шамилю въ плѣнъ: это вѣрно; развѣ только онъ плѣнитъ меня другимъ, болѣе мирнымъ способомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ тѣмъ, который онъ употреблялъ на Кавказѣ. Тогда это будетъ плѣнъ пріятный, и заключенію моему въ тюрьмѣ его сердца, быть можетъ, позавидуетъ не одна изъ прежнихъ непріятельницъ грознаго имама.

Пріѣхавъ въ Знаменскую гостинницу въ 10 часовъ утра, я уже не засталъ ни имама, ни г. Богуславскаго: въ половинѣ десятаго, они уѣхали, по приглашенію Его Императорскаго Высочества Генераль-Адмирала, въ Кронштадтъ и только въ четыре часа пополудни должны были воротиться домой.

Къ четыремъ часамъ я былъ уже въ гостинницѣ. Толпа народа на площади, около дверей, дожидалась возвращенія имама чуть ли не съ самаго отъѣзда его. Множество посѣтителей обо его пола наводняли всѣ великолѣпныя залы, лѣстницы и корридоры отеля. И такое стеченіе публики здѣсь бываетъ каждый день. Это цѣлый триумфъ! Немногіе побѣдители возбуждали въ своихъ соотечественникахъ такое участіе и такую жажду видѣть ихъ и изучитъ ихъ черты, какъ возбуждалъ все это Шамиль въ тѣхъ, когѣ во всю свою жизнь онъ считалъ, и по религін и по убѣжденію, заклятыми своими врагами. Не служить ли это доказательствомъ того, что знаменитый нашъ плѣнникъ совсѣмъ не та дикая, разбойничья личность, которая незаслуживаетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не только уваженія, но и состраданія? Не слѣдуетъ ли видѣть въ этотъ жадномъ любопытствѣ публики, въ этомъ лихорадочномъ чувствѣ, написанномъ на лицѣ каждаго, кто ожидаетъ выхода имама откуда бы то ни было, не слѣ-

дуетъ ли во всѣмъ этомъ видѣть — не простое любопытство, устроенное благополучіе антрепренера Юліи Пастраны, а именно дань уваженія къ той личности, въ которой уже признанъ: и хорошей администраторъ, и умный, даже очень умный человекъ, одаренный отъ природы сильнымъ характеромъ и желѣзною волею? И если послѣднія два качества обращались иногда въ жестокость, столь непонятную и непростительную для нашего христіанскаго цивилизованнаго взгляда на вещи, то нужно только вспомнить, что она очень обыкновенна по понятіямъ горцевъ, ожесточенныхъ, сверхъ того, полуторавѣковою борьбою съ нами и не находившихъ, между кудрявыми догматами ислама, нашего христіанскаго догмата: «любите враговъ вашихъ».

Любите враговъ вашихъ!... Какая прекрасная задача! Но какъ-то мы ее рѣшаемъ? Что до меня, то грѣшный человекъ: хоть и стараюсь я быть порядочнымъ христіаниномъ, а, надо признаться, не больно много полюбилваю я враговъ своихъ, не смотря даже и на то, что между ними попадаются люди съ большими достоинствами. Вотъ развѣ не любятъ ли враговъ своихъ какъ самихъ себя тѣ господа, которые съ такимъ ожесточеніемъ нападаютъ на беззащитнаго Шамиля, на вниманіе къ нему публики и, стало быть, на самыя условія, въ которыя будутъ поставлены плѣнны и остатки его жизни?... Однако, они, вонъ, печатно доказали свою нетерпимость въ отношеніи враговъ отечества, даже *бывшихъ* враговъ, всегда полуголодныхъ, полуобнаженныхъ, а теперь и лишенныхъ уже возможности вредить намъ. Но, можетъ быть, они питаютъ очень нѣжное чувство къ личнымъ своимъ врагамъ, одѣтымъ въ военное или партикулярное платье? Можетъ быть, не смѣю сомнѣваться; но думаю, что болѣе вѣрнаго сужденія о личности имама, объ его достоинствахъ и преступленіяхъ противъ насъ слѣдуетъ ожидать отъ нашихъ кавказскихъ войскъ, такъ долго стоявшихъ лицомъ къ лицу со всѣми этими данными и потому имѣющихъ въ этомъ случаѣ полное право на неоспоримый авторитетъ. Спросите же у нихъ о Шамилѣ: что они вамъ скажутъ? Наверное, не посоветуютъ они поступать съ нимъ такъ, какъ поступали горцы съ нашими плѣнными, и выразятъ свое мнѣніе по этому предмету если не въ такомъ, то почти въ такомъ родѣ: Шамиль былъ предводителемъ народа, который такъ долго ведетъ съ нами войну, и, притомъ, войну народную; а кто не знаетъ, что такое народная война? Но вы ее не знаете, господа, потому что изъ вашихъ теплыхъ кабин-

товъ, откуда вы мечете на Шамиля ваши громы, не совсѣмъ рельефно обозначаются многія мелочныя подробности народныхъ войнъ, а нѣкоторыя даже совсѣмъ не замѣтны. Однако, вы читали или слышали о нихъ изъ разныхъ разсказовъ, о войнѣ, напримѣръ, гверильясовъ, да хоть бы о войнѣ приснопамятнаго двѣнадцатаго года. Какъ же вамъ показались эти подробности? Обвиняли ли вы безпощадно предводителей гверильясовъ или нашихъ партизановъ Давыдова, Фигиера и проч.? А вѣдь тѣ и другіе воспитаны въ духѣ христіанской религіи и считаются въ числѣ народовъ если не образованныхъ, то, по меньшей мѣрѣ, просвѣщенныхъ. А горцы? Какая великая разница! Вы только посмотрите на то, что дѣлается съ ними въ жизни: не успѣтъ горецъ родиться, крестная его мать—природа кладетъ ему на зубокъ все свое достояніе: ликость, угрюмость и, подъ-часъ, величественность. Все это, впоследствии, неизбѣжно должно отразиться въ характерѣ зрѣлаго человѣка, а стало быть и во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Потомъ, онъ начинаетъ сосать молоко родной своей матери—горянки; а въ этомъ молокѣ, какъ извѣстно, содержится, между прочими составными частями, два элемента, не открытыхъ еще химіею: ненависть къ христіанамъ, поставленнымъ алкораномъ въ одну категорію съ вредными существами, которыхъ слѣдуетъ истреблять, и ненависть къ Русскимъ, въ сраженіяхъ съ которыми пзувѣченъ его отецъ, убитъ его дѣдъ, взятъ въ плѣнъ его прадѣдъ и тернѣлъ всякія напасти его пращуръ. Ко всему этому, горцы принадлежатъ къ числу народовъ не только непросвѣщенныхъ, не употребляющихъ никакихъ горячихъ напитковъ, но мы же зовемъ ихъ народомъ варварскимъ; а это условіе, виѣстѣ съ условіями, окружающими первые дни жизни горца, не должно ли сдѣлать его на войнѣ такимъ, какимъ мы его знаемъ?... И вся эта ненависть цѣлаго народа, всѣ отдѣльные вопли о погибшихъ братьяхъ, всякое личное неудовольствіе каждаго, все, что порождается недоразумѣніями и случайностями войны, — все это разѣ не должно было въ высокой степени соединяться въ Шамилѣ, какъ въ предводителѣ, который обязанъ знать всѣ нужды своего народа, сочувствовать всѣмъ его скорбямъ и, подъ-часъ, исполнять его прихоти, не всегда разумныя у горцевъ, какъ бываютъ неразумны онѣ у малыхъ дѣтей? Слѣдуетъ ли, послѣ этого, назвать Шамиля разбойникомъ, руководившимся въ своихъ дѣйствіяхъ дикими инстинктами хищнаго животнаго? или же онъ,

дѣйствительно, герой своей сграны, честно исполнившій свои обязанности, требуемая духомъ народа, нравами и обычаями его родины?... Предоставляю рѣшать положительнымъ образомъ этотъ вопросъ ненавистникамъ имама, которые послѣ этого, можетъ быть, хоть немножко тронутся окружавшею его на Кавказѣ обстановкою и, на этомъ основаніи, сколько нибудь помилуютъ его. Я же обращаюсь къ началу моего знакомства съ имамомъ.

Только что пробило четыре часа, на площади, около гостиницы и по всѣмъ ея помѣщеніямъ, раздались голоса: «ѣдетъ, ѣдетъ!» и, чрезъ нѣсколько минутъ, въ дверяхъ показался Шамиль, поддерживаемый съ одной стороны человѣкомъ и окруженный такою густою массою публики, что только съ большимъ трудомъ могъ двигаться по лѣстницѣ. Несмотря на усталость, произведенную морскою поѣздкою, которую онъ совершилъ въ первый разъ въ жизни, на лицѣ его было написано удовольствіе, имѣвшее прямую связь съ вниманіемъ къ нему публики. Но это было не то удовольствіе, которое такъ часто испытываетъ нашъ братъ обыкновенный человѣкъ, когда видитъ, что удовлетворяются его страстишки, его нечеловѣческое и потому крошечное самолюбіе: нѣтъ, ощущеніе, котораго не могла скрыть важная, задумчивая фізіономія имама, казалось мнѣ истиннѣ разумнымъ, великимъ: сколько горькихъ тяжелыхъ годовъ пережилъ онъ до наступленія этой сладкой минуты!... А думалъ ли онъ о ней, рассчитывалъ ли на нее? Безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ: въ виду у него былъ одинъ конецъ — тотъ самый, который заключилъ дѣйствія и Гамзатъ-Бека, и Кази-Муллы, и всѣхъ другихъ предмѣстниковъ его на этой «должности». Шамиль зналъ это навѣрное; даже больше: онъ зналъ, что другаго конца для него и не можетъ быть, — но онъ твердо шелъ избранною однажды дорогою, которая вдругъ недуманно, негаданно привела его безоружнаго въ непріятельскую страну и потомъ поставила передъ изумленные взоры петербургской публики. Взглянувъ на нее, онъ сразу замѣтилъ, что здѣсь цѣнятъ его достоинства такъ, какъ не всегда ихъ цѣнили его соотечественники, дѣлу которыхъ онъ такъ вѣрно служилъ. И вотъ гдѣ заключается источникъ того удовольствія, которое одушевляетъ серьезное лицо имама, при встрѣчахъ съ петербургскою публикою. Даже встрѣчи его съ уличными ротозѣями, нерѣдко пускающимися въ догонку за его коляскою и привѣтствующими

появленіе ея радостными криками, даже и эти встрѣчи возбуждаютъ въ немъ удовольствіе, отнюдь не лишенное смысла: однажды, при подобной встрѣчѣ, онъ сказалъ г. Богуславскому: «Ваши мальчишки радуются, видя меня въ плѣну; но они не сердятся на меня и не желаютъ мнѣ зла—это очень хорошо—а у меня не такъ: наши мальчишки закидали бы плѣннаго грязью, а если бы имъ позволили, то прибили бы его и даже убили. Когда придѣмъ въ Калугу, я напишу къ своимъ, чтобъ они запретили это дѣлать: я думаю, что меня послушаютъ....»

Зная, что впереди у меня еще много времени для изученія имама, во всѣхъ отношеніяхъ, я не всматривался въ его крашеную бороду, ни въ цвѣтъ его глазъ и ни въ одну изъ остальныхъ частей его наружности, а, вмѣсто того, обратилъ все свое вниманіе на фізіономію зрителей, между которыми немало было планетъ большой величины, немало было и сѣренькихъ мужичковъ. Шамиль двигался чрезвычайно медленно, и это доставило мнѣ возможность взглянуть въ большое число самыхъ различныхъ фізіономій, и, притомъ, съ такимъ вниманіемъ, которое могло ручаться за вѣрность заключенія. Но ни на одномъ лицѣ, ни въ одной парѣ глазъ не замѣтилъ я и малѣйшаго непріязненнаго чувства или упрека, способнаго заставить преступнаго плѣнника опустить голову въ сознаніи справедливости этой укоризны. Ни одного взгляда ненависти, ни одного желанія мщенія не бывало видно на лицахъ зрителей. А, между тѣмъ, въ числѣ ихъ, безъ сомнѣнія, были люди, оплакивающіе своихъ близкихъ родственниковъ или друзей, которые сдѣлались жертвами войны, такъ долго и такъ искусно веденной этимъ самымъ плѣнникомъ. Напротивъ, всѣ устремленные на него взоры выражали полную симпатію, и на всѣхъ лицахъ отражалось сочувствіе и уваженіе къ личности проходившаго предъ ними человѣка.

«Нѣтъ, господа», подумалъ я, двигаясь вслѣдъ за имамомъ къ занимаемому имъ номеру, «не обманемъ мы публики нашими газетными статьями: не станетъ она вторить нашимъ возгласамъ противъ безоружнаго и доблестнаго плѣнника,—возгласамъ, очень похожимъ на требованіе канлы; а будетъ она дѣйствовать такъ, какъ, видите, она дѣйствуетъ теперь: вполне сообразно съ достоинствомъ честнаго и великодушнаго народа...»

Давъ имаму время переодѣться въ домашній костюмъ и совершить омовеніе, полковникъ Богуславскій представилъ меня ему и, въ то же самое время, познакомилъ съ его сыномъ. Оба

они посмотрѣли на меня долгимъ внимательнымъ, даже суровымъ взглядомъ, послѣ чего Шамиль спросилъ: «какъ меня зовутъ?» Это всегдашній его вопросъ при первомъ его знакомствѣ, при чемъ онъ разумѣетъ не фамилію, а имя новаго знакомаца. Г. Богуславскій отвѣчалъ, что меня зовутъ Аполлономъ. Это имя замѣтно удивило ихъ обоихъ: они, повидимому, не подозревали его существованія и теперь какъ будто не знали, что съ нимъ дѣлать, потому что съ минуту молчали и только посматривали на меня, легонько шевеля губами. Потомъ начали они вполголоса произносить: «Афлѣнъ, Афлѣнъ, Афлѣнъ, и наконецъ, выговоривъ громко: «Афилѣнъ», на этомъ и остановились. Кажется, это имя такъ и останется за мною до конца нашихъ сношеній. Пусть будетъ такъ!

Произнеся еще нѣсколько разъ мое новое имя и продолжая смотрѣть на меня тѣмъ же внимательнымъ взглядомъ, Шамиль спросилъ, говорю ли я на какомъ нибудь изъ тѣхъ нарѣчій, которыя онъ знаетъ. Отвѣтъ былъ не вполне удовлетворительный: я говорилъ прежде довольно порядочно по-кумыкски, но это было давно, и съ тѣхъ поръ я не имѣлъ практики, а потому объявилъ, что знаю этотъ языкъ слишкомъ мало, а говорить совсѣмъ не могу. Отецъ и сынъ цмокнули языками, и на ихъ физиономіяхъ ясно отпечаталась мысль: «какой же изъ него толкъ будетъ?» Потомъ Шамиль спросилъ, «гдѣ я служу». Узнавъ, что на Кавказѣ, онъ, повидимому, обрадовался и, замѣтивъ въ эту минуту бывшую у меня въ рукахъ папаху, взялъ ее и вмѣстѣ съ сыномъ разсматривалъ очень внимательно и даже съ видимымъ удовольствіемъ, какъ предметъ, близкій ихъ сердцу, хотя точно такой же предметъ покрывалъ голову каждаго изъ нихъ. Осмотрѣвъ мою папаху и возвращая ее мнѣ, Шамиль спросилъ, «давно ли я служу на Кавказѣ». Услыхавъ, что я служу девятнадцать лѣтъ, онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и его сынъ скончательно повеселѣли и стали уже смотрѣть на меня гораздо снисходительнѣе.

— Товарищъ мой будетъ, другъ будетъ, сказалъ Шамиль, подавая мнѣ руку, что сдѣлалъ тотчасъ же и Казы-Магометъ.

Я просилъ г. Богуславскаго передать имаму, что я чувствую себя очень счастливымъ своимъ теперешнимъ назначеніемъ и что употребляю всѣ силы, чтобы пріобрѣсти расположеніе моего будущаго «товарища».

Должно быть, это понравилось ему: онъ снова пожалъ мою

руку и сказалъ, что съ своей стороны и онъ считаетъ себя обязаннымъ заставить меня полюбить его.

Послѣ этого мы сѣли вокругъ стола, поставленнаго подлѣ дивана, на которомъ занялъ мѣсто Шамиль. Перебирая чѣтки, онъ не спускалъ съ меня своихъ умныхъ глазъ и во время общаго молчанія принимался твердить: «Афилѣнъ, Афилѣнъ», что, кажется, обратилось для него въ своего рода забаву, которою онъ не упускалъ случая пользоваться во все время нашего перваго знакомства, лишь только вниманіе его не было устремлено на какой нибудь другой предметъ. Казы-Магомету тоже понравилось это занатіе.

— Афилѣнъ, Афилѣнъ, медленно твердилъ Шамиль, перенося свой взглядъ съ меня на г. Богуславскаго: — это имя я въ первый разъ слышу. Въ Петербургѣ у васъ, кажется, всѣхъ зовутъ Николаями; а вотъ у насъ, на Кавказѣ, такъ очень много Ивановъ: все Иванъ, все Иванъ....

Оказалось что изъ числа лицъ, представлявшихся имаму въ Петербургѣ, многія, дѣйствительно, назывались Николаями, и эта-то странная случайность, вѣроятно, и заставила Шамиля предположить, что большая часть петербургскаго населенія состоитъ изъ однихъ Николаевъ. Въ свою очередь, и я сказалъ, что горцы зовутъ всѣхъ своихъ плѣнныхъ, а также и бѣглыхъ солдатъ, Иванами, вѣроятно, потому, что послѣдніе сами объявляютъ это имя, для сокращенія допросовъ относительно ихъ званія.

Все это было передано имаму, который, повидимому, вполне вникнулъ въ смыслъ объясненія и затѣмъ спросилъ, въ какомъ я чинѣ. Получивъ въ отвѣтъ, что я штабсъ-капитанъ, онъ началъ приводить себѣ на память всѣ извѣстные ему чины нашей военной іерархіи. Оказалось, что болѣе всего онъ знакомъ съ чиномъ генераль-лейтенанта, который и былъ произнесенъ имъ нѣсколько разъ совершенно правильно — признакъ того, что въ продолженіе своего военного поприща онъ чаще всего имѣлъ своими противниками генераловъ этого чина. При этомъ онъ назвалъ нѣсколько фамилій нашихъ генераловъ, служившихъ прежде и служащихъ теперь въ генераль-лейтенантскихъ чинахъ.

— Пассекъ не былъ генераль-лейтенантомъ, сказалъ онъ между прочимъ:—а ему слѣдовало дать этотъ чинъ: онъ хорошій у васъ генералъ былъ.

Г. Богуславскій сказалъ на это, что, безъ сомнѣнія, онъ получилъ бы этотъ чинъ, еслибъ не былъ убитъ въ 1845 году.

— Жаль его! произнесъ Шамиль, впадая въ задумчивость.

Послѣ короткой паузы, въ продолженіе которой Казы-Магометъ занимался перечисленіемъ нашихъ военныхъ чиновъ, усиливаясь выговаривать правильно ихъ названія, отецъ его снова сдѣлалъ вопросъ, относившійся ко мнѣ: «Гдѣ я служилъ на Кавказѣ?» Г. Богуславскій началъ было со словъ моихъ перечень служебнаго моего поприща, въ началѣ котораго стоялъ Куринскій полкъ, но на этомъ же первомъ словѣ Шамиль прервалъ его, сказавъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ:

— А, сосѣдъ, сосѣдъ! (*)

И затѣмъ спросилъ, въ какихъ дѣлахъ я участвовалъ. Зная, что мелкія стычки не могутъ быть для него интересны, да о многихъ изъ нихъ онъ совсѣмъ и не знаетъ, я назвалъ прежде всего блокаду Зерани въ 1843 году. Лицо имама одушевилось.

— А! съ Пассекомъ былъ? спросилъ онъ.

— Да, съ Пассекомъ.

— Лошадей кушалъ? продолжалъ онъ, улыбаясь.

— Кушалъ, отвѣчалъ я.

— Что жъ, вкусно показалось?

Я отвѣчалъ, что ничего; но что было бы гораздо вкуснѣе, еслибъ была у насъ соль.

— А соли не было?

— Въ послѣднее время не было.

— Ну, это худо... Однако, вы очень крѣпко тамъ держались: мов не выдержали бы... Жена есть у васъ? немного погода спросилъ онъ.

— Есть.

— А дѣти есть.

— Есть.

— Гдѣ они теперь?

— На Кавказѣ.

— И мои тамъ, произнесъ онъ, вздохнувъ и грустно улыбувшись.

Въ это время подали обѣдать. По приглашенію г. Богуславскаго, Шамиль всталъ и пересѣлъ за обѣденный столъ. За нимъ

(*) Штабъ-квартира Куринскаго полка расположена въ кр. Воздвиженской, отстоящей отъ бывшей резиденціи Шамиля, аула Ведень, верстахъ въ пятидесяти.

поднялись мюрдды и Казы-Магометъ. Всѣ они усѣлись вокругъ стола и начали кушать съ большимъ аппетитомъ. Шамиль предложилъ и мнѣ раздѣлить съ нимъ обѣдъ; но я поблагодарилъ его и отказался.

Около семи часовъ пополудни, я опять очутился въ обществѣ Шамиля и вскорѣ затѣмъ отправился съ нимъ въ балетъ, на который онъ былъ приглашенъ директоромъ Императорскихъ театровъ г. Сабуровымъ, гостепріимно помѣстившимъ насъ въ своей ложѣ. Этотъ спектакль былъ уже не первый для имама, и онъ, какъ нельзя лучше, доказалъ это тѣмъ, что владѣлъ теперь биноклемъ очень ловко; а въ то время, когда на сценѣ представлялась ночь, онъ ужъ не такъ рѣзко обращался къ люстрѣ, вѣроятно, получивъ отъ г. Богуславскаго объясненіе механизма ея.

Въ этотъ вечеръ давали «Катарину» и одно дѣйствіе балета «Пери». Увидя на сценѣ гаремъ, со всѣми его атрибутами, Шамиль замѣтно одушевился, но тотчасъ же какъ будто одумался и принялъ спокойно-важную позу, вполнѣ подобающую властелину гарема. Вообще, въ продолженіе цѣлаго спектакля, онъ держалъ себя какъ истый джентльменъ, у котораго сдержанность въ манерахъ и во всемъ обращеніи отнюдь не изучена передъ зеркаломъ на случай представившейся надобности, а проявляется какъ привычка, обратившаяся въ природу и основанная на ежедневной потребности и на всѣхъ условіяхъ домашней и общественной жизни, которую онъ ведетъ. Чтобы повѣрить этому, стоитъ только вспомнить недавнюю обстановку домашняго быта имама и условія официального его положенія, которыми онъ былъ окруженъ въ теченіе столь долгаго времени. Къ тому же, онъ властвовалъ надъ горцами, которые, какъ и всѣ народы Азіи, имѣютъ свои собственныя понятія о томъ, какъ долженъ держать себя властелинъ относительно подвластныхъ ему. Общественная же жизнь, для которой женщина составляетъ необходимую принадлежность, у азіатскихъ народовъ, какъ извѣстно, не слишкомъ развита, а у кавказскихъ горцевъ тѣмъ менѣе. Но лучшимъ доказательствомъ отсутствія притворства въ Шамилѣ служить отзывъ, сдѣланный имъ г. Богуславскому, при посѣщеніи парохода-фрегата «Штандартъ». Осмотрѣвъ пароходъ во всей подробности, имамъ особенно былъ пораженъ изящнымъ убранствомъ Императорской каюты и очень удивлялся

тому, какимъ образомъ все, что онъ видѣлъ, могло быть такъ хорошо помѣщено на маленькомъ суднѣ, отланномъ, къ тому же, на произволь незнакомой ему стихіи. На вопросъ г. Богуславскаго, что преимущественно обратило его вниманіе на пароходъ, Шамиль простодушно отвѣчалъ:

— Меня удивляетъ только то, что государь вашъ такой могущественный и богатый монархъ, а, между тѣмъ, говоритъ съ обыкновенными людьми...

Не правда ли, что такое понятіе о богатствѣ и могуществѣ совершенно въ духѣ Азіатца и что человекъ, сдѣлавшій подобный отзывъ, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ быть пропитанъ этою идеею и понятіемъ осуществленія подобной идеи? А Шамиль находился подъ вліяніемъ подобныхъ обстоятельствъ болѣе двадцати лѣтъ...

Но я отвлекся отъ сцены, на которой вновь пріобрѣтенный для гарема живой товаръ выказывалъ передъ султаномъ свои достоинства.

Меня не занимала эта пьеса, сколько потому, что я уже видѣлъ ее нѣсколько разъ, столько же и потому, что передъ моими глазами была сцена другаго рода—физиономія Шамиля, являющаяся собою высокій интересъ для самаго нелюбознательнаго зрителя.

Сущность дѣйствія, выражаемаго балетомъ, Шамиль разгадалъ, кажется, вполне, и немало сочувствовалъ положенію фигурировавшихъ передъ нимъ лицъ. Тѣснившіяся въ немъ ощущенія отражались на его лицѣ, и онъ совсѣмъ не стѣснялся проявленіемъ ихъ, думая, что вниманіе всѣхъ его сосѣдей приковано къ одной лишь сценѣ, въ чемъ онъ убѣждался, повременамъ обращая украдкой на насъ свои глаза. Глядя на балетнаго султана, когда тотъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ смотрѣлъ на прелести одалыкъ и на ихъ искусство въ танцахъ, серьезный имамъ вполне входилъ въ его положеніе и, какъ казалось, совсѣмъ былъ бы не прочь побывать на его мѣстѣ. Но вотъ султанъ ложится въ постель и засыпаетъ. На сцену спускается дымчатая занавѣсъ. Лицо имама горитъ; на немъ написано ожиданіе: что-то будетъ?... и вдругъ занавѣсъ исчезаетъ, и передъ изумленными очами моего зрителя явилась живая пирамида самыхъ прелестныхъ очаровательныхъ гурій... Шамиль не ожидалъ этого; онъ ждалъ другаго... Впившись глазами въ эту чудесную группу, онъ долге разсматривалъ ее съ тою ненасытною жадностью,

которая можетъ быть понятна только для записныхъ любителей балета. Потомъ, утоливъ нѣсколько снѣдавшее его чувство, а можетъ быть сознавая потребность отдохнуть отъ него, Шамиль перенесъ свой взглядъ съ заманчивой картины на спящаго султана, и тутъ онъ не могъ уже не сочувствовать ему, хотя бы глаза цѣлаго свѣта устремились на него и обличили бы его въ грѣшныхъ мечтаніяхъ: рука съ биноклемъ опустилась, и Шамиль закрылъ глаза...

— Нравится ли вамъ это? спросилъ его г. Богуславскій, показывая глазами на нашъ неподобный кордебалетъ.

— Пророкъ обѣщалъ намъ это только въ раю, отвѣчалъ имамъ: — я очень счастливъ, что успѣлъ еще на землѣ это увидѣть.

Шамиль лукавилъ: онъ очень хорошо зналъ о существованіи этихъ гурій на землѣ потому что, когда еще только начинался балетъ и онъ едва успѣлъ рассмотреть невольницъ и евнуховъ, то тотчасъ же сообщилъ г. Богуславскому замѣчаніе, что «это совершенно такъ, какъ бываетъ въ большихъ гаремахъ».

Но вотъ волшебная картина исчезаетъ; султанъ просыпается и, припоминая свои грѣзы, начинаетъ выражать одушевляющую его страсть какимъ-то новоизобрѣтеннымъ па. Очень можетъ быть, что, въ глазахъ большинства зрителей, этотъ танецъ имѣлъ всѣ достоинства новизны и граціи; но въ мнѣніи моего «товарища» онъ положительно и невозвратно погубилъ не только султана да, кажется, и самую пьесу: при первыхъ прыжкахъ этого, хотя и закулиснаго, но все-таки высокостепеннаго лица, Шамиль сдѣлалъ большіе глаза и, не довѣряя собственному зрѣнію, поспѣшилъ вооружиться биноклемъ. Однако, и тутъ онъ довольно долго отыскивалъ нужную для него степень фокуса, вѣроятно, изъ опасенія опять ошибиться. Установивъ наконецъ инструментъ и высоко поднявъ свои брови, имамъ началъ разсматривать танцующаго султана. При одномъ великолѣпномъ его сальтомортале, Шамиль окончателно убѣдился, что могущественный султанъ—увы!—дѣйствительно танцуетъ, и, притомъ, танцуетъ «любя». Тогда имамъ опустилъ бинокль и засмѣялся ироническимъ, самымъ злымъ смѣхомъ. Признаюсь, не хотѣлъ бы я въ то время быть на мѣстѣ балетмейстера, поставившаго этотъ танецъ, да и на мѣстѣ самого танцора. Я рѣшительно страдалъ за нихъ, глядя на одушевленное ироніею лицо имама, которое такъ, кажется, и говорило: «какою же грязью, друзья мои гауры, кормятъ васъ

ваши поэты: понятное дѣло, что «убѣжище міра», осчастлививъ какую нибудь рабу своимъ желаніемъ, можетъ выразить его глазомъ, словомъ, наконецъ объятіемъ, но чтобъ онъ унился до того, чтобъ плясать какъ простой алліэ, да еще и вмѣстѣ съ этими исчадіями грѣха, какой вздоръ!... Васъ кормятъ грязью, друзья мои гауры!...» И затѣмъ онъ уже не смотрѣлъ на сцену до самаго окончанія «Пери».

Во время антракта имамъ былъ приглашенъ г. Сабуровымъ пить чай; а потомъ, возвратившись передъ поднятіемъ завѣса на свое мѣсто, спустя нѣсколько минутъ, онъ увидѣлъ подлѣ себя сосѣдку, въ лицѣ одной молодой и прелестной особы. Это сосѣдство поставило его какъ будто въ ненормальное положеніе: онъ часто оборачивался и осторожно, съ какою-то боязливостью, посматривалъ на изящный костюмъ сидѣвшей возлѣ него дамы, не позволяя себѣ посмотреть ей въ лицо. Я не знаю, что подумала эта особа о движеніяхъ имама; но что касается до него, то я навѣрное знаю, что его мучила мысль о неловкости и невѣжливости его позы, въ которой онъ противъ воли долженъ былъ сидѣть, и что онъ готовъ былъ отдать все на свѣтѣ, чтобы только выйти изъ положенія, такъ сильно его смущавшаго.

Въ «Катаринѣ» особенное вниманіе Шамиля было возбуждено двумя эпизодами: военными эволюціями амазонокъ и разрушеніемъ переброшеннаго черезъ пропасть моста. Какъ только разбойникъ миновалъ его и подъ ударами его топора начали падать доски, всѣ горцы—и имамъ, и его сынъ, и мюридъ Таушъ—вздрагнули, судорожно передернули плечами и, какъ будто сговорившись, взглянули другъ на друга въ одно и то же мгновеніе. Этотъ взглядъ былъ тотъ самый, которымъ они полагали себя въ другомъ балетѣ «Робертъ и Бертрамъ», когда глазамъ ихъ представились эти два друга, проходившіе украдкою по сценѣ.... Какой выразительный взглядъ! Я никогда не забуду его: въ немъ заключалась цѣлая драма, составленная изъ безчисленнаго множества актовъ, и охватывающая собою характеръ, нравы, привычки, всю жизнь горца.... Безъ всякаго сомнѣнія, каждый изъ нихъ понималъ другъ друга, когда поймалъ на лету взглядъ товарища....

Граціозныя эволюціи кордебалета тоже очень занимали имама: глядя на стройныя фигурки хорошенькихъ разбойницъ, онъ очень снисходительно улыбался, и на его лицѣ отражалась какая-то мысль, которой я никакъ не могъ разгадать. Но скоро

загадка объяснилась. Когда грозные маневры заключились не менѣе грозною, но еще болѣе граціозною «кучкою», г. Богуславскій спросилъ имама, до какой степени страшнымъ показалось ему это войско.

Глаза Шамиля блеснули самою добродушною прониюю.

— Еслибъ это войско было у меня въ Гунибѣ, отвѣчалъ онъ, улыбаясь:—я бы не былъ побѣжденъ.

Въ началѣ послѣдняго акта «Катарины», г. Богуславскій долженъ былъ оставить театръ, по случаю экстренной служебной надобности. Выходя изъ ложи, онъ просилъ меня остаться при нашихъ горцахъ и занимать ихъ до возвращенія его прямо въ гостиницу. Конечно, я могъ замѣнить г. Богуславскаго только какъ провожатый, а не какъ собесѣдникъ; а потому, сидя въ каретѣ съ Шамилемъ и его сыномъ, я началъ отъ нечего дѣлать, размышлять о неловкости теперешняго моего положенія и придумывать средства, какъ бы изъ него выйдти,—какъ вдругъ Казы-Магометъ, до сихъ поръ толковавшій о чемъ-то съ отцомъ, обратилъ свою рѣчь ко мнѣ, и между нами произошла разговоръ на томъ діалектѣ, который такъ хорошо знакомъ всѣмъ, кто служилъ на передовой кавказской линіи, и на которомъ такъ свободно и успѣшно разговариваютъ наши солдаты съ Чеченцами, несмотря на то, что Чеченцы не знаютъ русскаго языка, а солдаты чеченскаго.

— Ый, капитанъ! сказалъ онъ, тронувъ меня легонько за колъно:—твой жена—Капказъ?

— На Кавказѣ, отвѣчалъ я.

— Ый! бильды твоя? (ты знаешь?) Моя Капказъ гайдъ: жена тащилъ нада (жену привезти надо); ну, мой жена тащилъ, имамъ жена тащилъ.... бильды твоя?

— Билеманъ (знаю), отвѣчалъ я.

— Ну.... моя жена тащилъ моя; имамъ жена тащилъ моя: давай, пожалуста, моя будетъ твоя жена тащилъ!

— Якши, сказалъ я:—сабулъ (спасибо), тащи, пожалуйста!

— Ну, якши, продолжалъ онъ, качнувъ головою и ужъ со всѣмъ положивъ одну свою руку на мое колъно: — моя будетъ жена твоя тащилъ.... Ну.... а баранчукъ тащилъ нада? (А дѣтей надо привезти?)

— Надо; тащи и баранчукъ, пожалуйста!

— Якши: моя будетъ баранчукъ тащилъ.... Ну.... твоя мая.... Каатъ беръ маа, пожалуйста! (Письмо мнѣ дай.)

— Чохъ якши, сказалъ я.

— Чохъ якши, сказалъ и онъ.

На томъ разговоръ и покончился. Откуда эта любезность?... Посмотримъ. Въ это время я замѣтилъ, что Шамиль, сидя безъ шубы, которой онъ, при выходѣ изъ театра, не надѣлъ и не захотѣлъ взять съ собою въ карету, что-то сильно пожимается, какъ будто ему очень холодно. Правду сказать, и морозъ былъ въ эту ночь порядочный. Зная, что для его южной комплекціи сырой и холодный петербургскій воздухъ не можетъ быть полезенъ, я предлагалъ ему надѣть мое комиссаріатское пальто. Сначала онъ было поцеремонился немного, но вскорѣ, порядкомъ, должно быть прозябнувъ, взялъ у меня пальто и надѣлъ его на себя, застегнувшись на всѣ пуговицы. Только что онъ это сдѣлалъ, мы повернули съ Поцѣлуева моста въ Большую Морскую, и вслѣдъ затѣмъ луна, бывшая до сихъ поръ у насъ сзади, освѣтила одно изъ оконъ кареты. Я взглянулъ на имама: голова его, вмѣстѣ съ украшавшимъ ее тюрбаномъ, скрывалась въ тѣни; оставалось видимымъ одно туловище, плотно укутанное моимъ пальто, и еслибъ не темная борода, граціозно лежавшая на сѣромъ сукнѣ, то никѣмъ другимъ нельзя было признать имама, какъ старымъ комиссаріатскимъ чиновникомъ. Шамиль комиссаріатскій чиновникъ!... Чтò, еслибъ оставить его теперь въ этомъ званіи! подумалъ я тогда: онъ бы сдѣлалъ кой-какія преобразованія въ нашемъ комиссаріатѣ....

Порядочный холодъ, заставлявшій и меня повременамъ пожиматься, отбилъ у моихъ спутниковъ охоту къ разговорамъ, и мы провели остальную часть дороги въ совершенномъ молчаніи. Возвратившись домой около полуночи, мы, несмотря на то, застали еще нѣсколько человѣкъ около подъѣзда гостинницы и столько же, если не больше, любопытныхъ встрѣтили на лѣстницѣ и въ корридорѣ. При выходѣ изъ кареты, Шамиль возвратилъ мое пальто и въ знакъ благодарности пожалъ мнѣ руку. Въ пріемной имама, мы нашли г. Богуславскаго и приготовленный его заботливостью ужинъ. Шамиль переодѣлся, совершилъ намазъ и затѣмъ ужь сѣлъ за столъ. Примѣру его послѣдовали мы съ г. Богуславскимъ, Кази-Магометъ и три мюрида, изъ числа кторыхъ Таушъ, бывшій въ театрѣ, тотчасъ же началъ рассказывать своимъ товарищамъ что-то съ большимъ жаромъ: вѣроятно, онъ передавалъ имъ впечатлѣніе этого вечера. Самъ Шамиль да и сынъ его въ продолженіе ужина были до-

вольно молчаливы: безъ всякаго сомнѣнiя, они устали тѣломъ и духомъ. Обмѣнявшись съ г. Богуславскимъ немногими словами насчетъ завтрашней поѣздки, по приглашенiю Его Императорскаго Высочества Генералъ-Инспектора по инженерной части, въ Инженерный замокъ, для осмотра моделей нашихъ крѣпостей, а также къ художнику Деньеру, для снятiя фотографическихъ портретовъ, Шамиль окончилъ ужинъ, всталъ изъ-за стола, распрощался съ нами и ушелъ въ свою спальню.

На другой день всѣ мы, вчерашнiе посѣтители директорской логи, отправились въ Инженерный замокъ, куда и явились въ одиннадцатомъ часу утра. На всѣхъ лѣстницахъ и во всѣхъ залахъ, по которымъ мы проходили, стояли тѣсными рядами воспитанники Инженернаго училища, академисты той же академiи, училищные офицеры, чиновники Инженернаго департамента, и даже замѣтили нѣсколько дамъ. Встрѣча была такъ же торжественна и симпатична, какъ и прежнiя, которыя Шамиль имѣлъ счастье видѣть во всѣхъ дружныхъ мѣстахъ.

Свиты Его Величества генералъ-маiоръ фонъ-Кауфманъ встрѣтилъ имама въ одной изъ залъ и повелъ его въ тѣ комнаты, гдѣ установлены модели, которыя онъ и началъ показывать своему гостю, объясняя при этомъ нѣкоторыя болѣе интересныя подробности, касающiяся устройства крѣпостей вообще и обороны нѣкоторыхъ изъ нихъ въ послѣднюю войну. Шамиль видимо былъ заинтересованъ объясненiями г. Кауфмана и нерѣдко возбуждалъ ихъ вопросами съ своей стороны. Очень нравились ему также и самыя модели, которыя устройствомъ своимъ и чистотою работы представляютъ совершенство своего рода. Миниатюрныя на нихъ изображенiя всѣхъ возможныхъ крѣпостныхъ работъ и построекъ въ особенности обращали его вниманiе. На все это онъ смотрѣлъ если не опытнымъ глазомъ знатока, то съ жаднымъ вниманiемъ записнаго любителя. Однако, выслушивая объясненiя г. Кауфмана и соображая ихъ съ тѣмъ, что видѣлъ на моделяхъ, Шамиль нѣсколько разъ задумывался и покачивалъ головою, какъ бы въ раздумьи, имѣвшемъ способность подѣйствовать на посторонняго наблюдателя такимъ образомъ, что онъ могъ заподозрить имама въ тупости понятiй, при которой подобное дѣло не могло быть для него доступнымъ. Но это было не такъ: Шамиль хорошо слышалъ, хорошо видѣлъ и еще лучше понималъ

все, что представлялось ему; онъ живо смекнулъ, какое употребленіе можно сдѣлать изъ оригиналовъ видѣнныхъ имъ копій, и едва ли соображеніе его было чрезчуръ невѣрно; но онъ самъ сознавался впослѣдствіи, что его угнетала въ то время мысль объ ограниченности его познаній, не позволявшей ему даже помечтать о томъ, что бы онъ сдѣлалъ, если бы пришлось ему распорядиться или этими твердынями, или войсками, назначенными для покоренія ихъ.

Грустное чувство, отражавшееся на лицѣ его, разсѣялось, какъ только начали мы всходить на антресоли, для обозрѣнія расположенныхъ тамъ моделей. Устройство спиральной лѣстницы, соединяющей антресоли съ прочими залами, очень занимало имама: онъ нѣсколько разъ останавливался, оглядываясь внизъ, посматривалъ вверхъ и при этомъ улыбался. Впослѣдствіи, онъ говорилъ мнѣ, что ему тогда приходила на мысль польза, которую можно бы ожидать отъ примѣненія спиральныхъ входовъ при оборонѣ гористой мѣстности, но что, вслѣдъ затѣмъ, онъ отказался отъ этой идеи, потому что сперва запугала его сложность выполненія ея, а подъ конецъ и самое примѣненіе спирали показалось ему бесполезнымъ. «Впрочемъ», говорилъ онъ въ заключеніе, «въ Калугѣ я подумаю объ этомъ.»

Осмотрѣвъ съ тѣмъ же вниманіемъ модели, бывшія на антресоли, и прослѣдивъ изъ окна за суетливымъ движеніемъ, происходившимъ внизу, по набережной Фонтанки, Шамиль просилъ генераль-маіора фонъ-Кауфмана передать свою признательность Его Императорскому Высочеству за высокое къ нему вниманіе и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ свою благодарность самому генераль-маіору фонъ-Кауфману за трудъ, который онъ такъ любезно принялъ на себя. Затѣмъ онъ раскланялся, и мы отправились на Невскій проспектъ, къ художнику Деньеру.

Г. Деньеръ чрезвычайно былъ обрадованъ посѣщеніемъ имама, и, конечно, никогда не принимался онъ за дѣло съ такой любовью къ своему искусству, какъ въ этотъ разъ, будучи оушевленъ очень понятнымъ желаніемъ — передать публикѣ черты этаго замѣчательнаго человѣка въ той степени совершенства, которое только допускается фотографіею.

Шамиль позировалъ три раза. Г. Деньеръ былъ очень доволенъ его спокойствіемъ, столь необходимымъ для передачи всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ человѣческой фізіономіи. За вторымъ разомъ, имамъ уступилъ свое мѣсто сыну, а самъ пересѣлъ на

диванъ и занялся разсматриваніемъ кипсековъ, расположенныхъ на ближайшемъ къ нему столѣ. Прежде всего ему попалась «дрезденская галлерей», и первая въ ней гравюра — «Христа Спасителя».

Шамиль разсматривалъ картину съ напряженнымъ вниманіемъ. Въ его глазахъ и на всемъ лицѣ отразилось то самое чувство, которое должно быть возбуждено въ каждомъ мыслящемъ человѣкѣ страданіями Спасителя, переданными кистью.

— Кто это? взволнованнымъ голосомъ спросилъ имамъ.

— Это Иисусъ Христосъ, отвѣчалъ г. Богуславскій.

Шамиль посмотрѣлъ на изображеніе Спасителя еще разъ и потомъ сказалъ:

— Я поцѣлую его!

Вслѣдъ затѣмъ онъ поднесъ къ своимъ губамъ картину и поцѣловалъ ее.

По поводу этого, г. Богуславскій разсказалъ мнѣ другой подобный же случай, встрѣтившійся при посѣщеніи имамомъ Царскаго Села. Обозрѣвая достопримѣчательности царскосельскаго дворца, имамъ остановился въ одномъ павильонѣ, передъ статуею Спасителя. Сперва все вниманіе его было обращено на руки, ноги и вообще на всѣ части туловища статуи. Онъ разсматривалъ ихъ съ живѣйшимъ любопытствомъ, часто притрогивался къ нимъ и тогда только удостовѣрился, что это ничто иное, какъ холодный мраморъ. Но когда онъ взглянулъ на голову статуи, то до того былъ пораженъ выраженіемъ лица, что долго, долго смотрѣлъ на него не спуская глазъ и вполнѣ проникнувшись чувствами, которыя оно отражало.

— Кто это? спросилъ онъ у всегдашняго своего спутника.

— Спаситель нашъ, отвѣчалъ г. Богуславскій.

— Онъ многому прекрасному училъ васъ! сказалъ Шамиль.

— Я тоже Ему буду молиться: Онъ мнѣ счастье дастъ...

Эти факты кажутся способными возбудить предположенія о томъ, что въ душѣ Шамиль далеко не былъ такимъ краснымъ фанатикомъ, какъ это можно думать, судя по дѣйствіямъ его въ распространеніи мюридизма и возбужденіи казавата, что религиозный его фанатизмъ скорѣе былъ дѣломъ политическаго расчета, нежели глубокаго, душевнаго убѣжденія, и что наконецъ онъ самъ не слишкомъ-то слѣпо поддается внушеніямъ корана, а, напротивъ, подвергаетъ даже нѣкоторые принципы его критикѣ, чрезъ сравненіе ихъ съ тождественными принципами еван-

гелія, которое, повидимому, не составляетъ для него terra incognita. Все это, однако, не мѣшаетъ ему быть, по наружности, правовѣрнѣйшимъ мусульманиномъ, а на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ кажется, глубоко-религіознымъ человѣкомъ, проникнутымъ разумнымъ убѣжденіемъ, что та религія непогрѣшительна, которая способна заставитьъ человѣка отдаться ей искренно, всѣмъ его существомъ.

Выходъ нашъ отъ г. Денъера былъ ознаменованъ огромнымъ стеченіемъ публики, расположившейся по всему протяженію Милютинныхъ лавокъ такою густою массою, что Шамиль только съ весьма большимъ трудомъ пробрался къ коляскѣ. Сынъ же его, не замѣченный публикою, остался въ числѣ зрителей и только улыбался, переглядываясь съ отцомъ, но не рѣшаясь дѣйствовать энергически, чтобы пробиться къ экипажу. Тогда я обхватилъ его сзади за талію и попросилъ сосѣдей пропустить сына Шамиля. Зрители тотчасъ же, хотя и съ трудомъ, разступились, и Казы-Магометъ очутился наконецъ въ коляскѣ. Когда мы такимъ манеромъ пробирались, я чувствовалъ, что меня кто-то тянетъ какъ будто назадъ. Оглянувшись, я увидѣлъ мюрида Тауша, который, чтобы не отстать отъ насъ, уцѣпился за меня точно такъ же, какъ я за Казы-Магомета, вѣроятно, думая, что «такъ оно тамъ и нужно». При этомъ я замѣтилъ, что не совсѣмъ-то покойное чувство было написано на его здоровомъ и беззаботномъ лицѣ, которое тогда только приняло свое нормальное выраженіе, когда онъ увидѣлъ себя сидящимъ со мною въ каретѣ, а зрителей—оставшимися, попрежнему, на тротуарѣ. Блаженное состояніе своего духа онъ тотчасъ же ознаменовалъ какою-то пѣсенкой, что, впрочемъ, онъ дѣлаетъ каждый разъ, какъ только садится въ карету, чтобы куда нибудь ѣхать.

— А что, Таушъ, сказалъ я ему чрезъ переводчика:—еслибъ мнѣ случилось быть увасъ въ плѣну да попался бы я въ эдакую толпу твоихъ земляковъ, какъ думаешь: вышелъ бы я изъ нея живой?

— Не вышелъ бы, лаконически отвѣчалъ мюридъ.

— Ну, какой же законъ для тебя лучше? продолжалъ я.

— Нашъ законъ лучше, съ спокойной увѣренностью отвѣчалъ онъ.

Это убѣжденіе привело мнѣ на память обѣщаніе Шамиля написать въ горы, чтобы тамъ почеловѣколюбивѣе обращались съ нашими плѣнными.

«Надо будетъ напомнить ему», подумалъ я.

Возвратившись въ гостиницу, мы нашли, по обыкновенію, около нея и внутри множество любопытныхъ, передъ которыми Шамиль прошелъ съ обычнымъ выраженіемъ удовольствія на лицѣ. Пришедши въ номеръ, онъ тотчасъ же исполнилъ обязанности добраго масульманина и затѣмъ уже сѣлъ обѣдать.

Французскій столъ, повидимому, не былъ противнымъ горцамъ; однако, онъ не возбуждалъ и особеннаго удовольствія въ нихъ. Не ѣвши во всю свою жизнь ничего, кромѣ баранины, курятины и прѣснаго хлѣба, пріятели наши, кажется, не отказались бы и теперь отъ этихъ блюдъ, тѣмъ болѣе лакомыхъ, что ихъ можно ѣсть руками, безъ пособія вилки, повидимому, столь несносныхъ и для Тауша, и для Хаджію, и для Керимъ-Магомета, да, кажется, и для самого Казы-Магомета. Одинъ только Шамиль дѣйствуетъ этимъ инструментомъ съ ловкостію челоувѣка, давно и хорошо знакомаго съ подобными обычаями Европейцевъ. Но и онъ не могъ изрѣдка отказать себѣ въ наслажденіи собственноручно обглодать крылышко цыпленка или хрящеватую косточку барашка. Что же касается мюридовъ, то интересно было видѣть ихъ отчаянныя усилія, съ которыми они старались захватить кусокъ майонеза, каждый разъ соскользавшаго съ вилки и наконецъ дробившагося на мелкія части, совсѣмъ ужъ неудобныя для дѣйствія противъ нихъ вилкою. Сначала горцы сердились на неуспѣхъ своихъ стараній; но потомъ, видя, что это дѣлу не помогаетъ, они бросали одинъ за другимъ вилки, брали нарѣзанные куски руками и клали ихъ въ ротъ, со смѣхомъ переглядываясь между собою и облизывая замоченные укусомъ пальцы. Почти то же самое происходило и съ плавомъ: неизбѣжная, по ихъ понятіямъ, необходимость обглаживать куриныя косточки и для этого брать ихъ въ руки соблазняла мюридовъ и въ отношеніи риса. Подумавъ, подумавъ, они оставляли ложки и начинали брать его руками, съ наслажденіемъ посматривая на масло, стекавшее съ ихъ пальцевъ на тарелку. Не безъ удовольствія взглядывалъ повременамъ на нихъ Шамиль: онъ какъ будто сознавалъ свое превосходство передъ земляками даже и въ этомъ, ничего не стоящемъ дѣлѣ, и, улыбаясь снисходительною улыбкою, дѣлалъ небольшія замѣчанія, касавшіяся неловкости мюридовъ и страннаго свойства русскихъ блюдъ. Замѣтно было также, что онъ одинъ знаетъ въ нихъ толкъ, но, вслѣдствіе какого нибудь расчета, не высказы-

ваетъ своего мнѣнія о преимуществѣ, которое онъ въ душѣ отдаетъ европейской кухнѣ передъ стряпнею горцевъ. Остальные же собесѣдники ѣли подаваемые имъ кушанья почти безъ всякаго сознанія ихъ вкуса; они какъ будто считали ихъ только сносными, и то потому собственно, что вся живность была зарѣзана правовѣрными руками Тауша и на этомъ основаніи можетъ быть допущена для утоленія мусульманскаго голода, въ какомъ бы безобразномъ безвкусіи гяуры еени приготовили. Только всѣхъ сортовъ пирожныя и медъ, этотъ единственный напитокъ, который горцы употребляли въ Петербургѣ, удостоивались безусловной отъ нихъ похвалы. Предложилъ было я Казы-Магомету попробовать квасу. Онъ принялъ отъ меня стаканъ и, указывая на него головою, спросилъ: не арака ли это? Я увѣрилъ его, что нѣтъ. Несмотря на это, онъ, повидимому, сомнѣвался и довольно долго разсматривалъ жидкость противъ свѣта. Наконецъ темный цвѣтъ кваса успокоилъ его: онъ поднесъ стаканъ къ губамъ и прихлѣбнулъ нѣсколько капель, но тотчасъ же сморщился и, передавая мнѣ стаканъ, сказалъ: «буза!» Затѣмъ никакія убѣжденія не истребили въ немъ увѣренности, что это совсѣмъ не хмѣльной напитокъ, и я рѣшительно отказался отъ желанія распространить между трезвыми горцами употребленіе нашего русскаго рейнвейна.

По окончаніи обѣда, Шамиль пересѣлъ къ окну на диванъ и занялся чтеніемъ манускриптовъ, полученныхъ имъ отъ г. профессора Мирзы-Казембека. Манускрипты очень интересовали его, и онъ до того въ нихъ углубился, что не замѣчалъ людей, входившихъ въ комнату и проходившихъ черезъ нее. Надо было позвать его, чтобъ отвлечь его вниманіе отъ чтенія.

Въ этотъ вечеръ и въ послѣдующее утро я убѣдился, какъ много безпокойства и всякаго рода хлопотъ досталось на долю г. Богуславскаго. Въ его комнату безпрестанно являлся чело-вѣкъ съ докладомъ, что какой-то господинъ желаетъ его видѣть. На повѣрку выходило, что господинъ имѣлъ желаніе видѣть собственно не его, а Шамиля; но такъ какъ особой записки, удостовѣряющей въ дѣйствительной необходимости видѣть имама и говорить съ нимъ, у многихъ посѣтителей не имѣлось, то, въ огражденіе его отъ частаго и утомительнаго безпокойства, г. Богуславскій долженъ былъ, къ обоюдному прискорбію, отказывать имъ въ способствованіи къ свиданію съ плѣнникомъ. Интересны также были причины, выставляемыя нѣкоторыми по-

сѣтителями, на право свиданія съ Шамилемъ: одинъ отставной военный говорилъ, что долго служилъ на Кавказѣ и потому имѣеть неоспоримое право посмотреть на того, съ кѣмъ онъ дрался. Другая какая-то пожилая барыня выставляла на видъ раны своего племянника и потому требовала свиданія съ имамомъ, должно быть для успѣшнѣйшаго врачеванія ихъ. Третій, тоже пожилой человѣкъ, въ «цивильномъ костюмѣ» и въ очкахъ, объявлялъ, что онъ намѣренъ писать біографію Шамиля, для чего необходимо сдѣлать ему нѣсколько вопросовъ.

— Вы, вѣрно, знали имама прежде, на Кавказѣ? спрашиваетъ г. Богуславскій.

— Нѣтъ, не зналъ; да я и не былъ на Кавказѣ.

— Побойтесь же Бога! отвѣчалъ страдалецъ: — ну, какую вы біографію составите изъ двухъ или трехъ отвѣтовъ Шамиля?...

Наконецъ были такіе господа, которые просто требовали показать имъ Шамиля. Г. Богуславскій долженъ былъ каждому отвѣчать и каждого убѣждать въ невозможности выполнить его желаніе или требованіе. Большой запасъ христіанскаго терпѣнія надо имѣть для того, чтобъ вынести всѣ эти пытки. Одному изъ посѣтителей г. Богуславскій никакъ не могъ отказать, несмотря на то, что у него не было записки на свиданіе съ имамомъ; но онъ принесъ картину, изображающую обнаженнаго человѣка, съ бритою головою, страшно израненнаго и лежащаго съ закрытыми глазами на землѣ, внутри или возлѣ подобія горской сакли. Подъ картиною были двѣ подписи: на русскомъ языкѣ—«Кази-Молла», и на арабскомъ—«Казы-Магометъ». Посѣтитель, показывая г. Богуславскому картину, утверждалъ, что Шамиль, по всей вѣроятности, будетъ очень радъ увидѣть портретъ своего учителя, котораго онъ такъ уважалъ. Этотъ доводъ убѣдилъ г. Богуславскаго, и онъ, желая доставить имаму пріятное, рѣшился сообщить ему о желаніи любезнаго посѣтителя. Шамиль изъявилъ согласіе и, взявъ въ руки картину, долго разсматривалъ ее съ жаднымъ вниманіемъ. Наконецъ, возвращая ее владѣтелю, онъ щелкнулъ языкомъ и равнодушно сказалъ: «нѣтъ, это не Казы-Магометъ». Отвѣтъ его, переведенный г. Богуславскимъ, смутилъ бѣднаго посѣтителя, тѣмъ болѣе, что онъ вполнѣ былъ убѣжденъ въ разительномъ сходствѣ портрета съ оригиналомъ, въ чемъ удостовѣряли, по его словамъ, отзывы значительныхъ особъ, служившихъ на Кавказѣ.

Вечеръ заключился продолжительною бесѣдою имама съ г. Казембекомъ, къ которому, повидимому, онъ питаетъ неограниченное уваженіе. Они сидѣли рядомъ на диванѣ. Шамиль говорилъ объясненія нѣкоторыхъ интересныхъ фактовъ изъ исторіи кавказской войны, которой, онъ, можно сказать, служилъ самымъ олицетвореніемъ; г. Казембекъ записывалъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія. Какую неподобную группу составляли изъ себя эти двѣ фигуры: воинъ и ученый! Какъ различны цѣли ихъ жизни и какъ разнородна извѣстность! А, между тѣмъ, сколько гармоніи заключалось въ теперешнемъ ихъ сближеніи, о возможности котораго, навѣрное, не приходило на мысль ни тому, ни другому, да едва ли и кому нибудь въ цѣломъ мірѣ....

Между тѣмъ, какъ въ приемной Шамяля шла тихая, полная значенія бесѣда, въ другихъ комнатахъ его нумера, три мюрида дѣлали приготовленія къ завтрашнему отъѣзду. Хаджію вынималъ изъ чемодана чистое бѣлье и раскладывалъ его на постели своего имама. Потомъ онъ развернулъ узкій и длинный въ нѣсколько десятковъ аршинъ кусокъ бѣлой бязи, внимательно осмотрѣлъ его и сложилъ на одномъ изъ креселъ, имѣя въ виду замѣнить завтра этимъ кускомъ ту матерію, которая обивала имамскую шапку теперь. Кончивъ съ бѣльемъ, Хаджію принялся за одежду и обувь Шамяля: разсмотрѣвъ въ подробности черкеску, онъ нашелъ ее въ полной исправности и повѣсилъ на ширмы, при чемъ, замѣтивъ меня, онъ улыбнулся и сказалъ: «якши!» Но, взглянувъ послѣ того на чевяки, онъ сказалъ «яманъ!» и тотчасъ же показалъ ихъ Казы-Магомету, который въ это время лежалъ на своей постели и игралъ отъ скуки шашкою, стараясь удержать ее въ вертикальномъ положеніи на одномъ пальцѣ. Казы-Магометъ прекратилъ навремя свою забаву, взялъ чевяки, посмотрѣлъ на дырявыя мѣста и потихоньку зашвысталъ, процѣживая звуки какимъ-то особеннымъ манеромъ, между языкомъ и зубами. Потомъ, подбросивъ чевяки одинъ за другимъ вверхъ и ловко схвативъ ихъ налету, онъ наконецъ обратился ко мнѣ и, указывая на прорѣхи, сказалъ:

— Ый, капитанъ! Пожалуйста, чевякъ пропаль!

Я приказалъ позвать переводчика и тотчасъ же устроилъ это дѣло. Успокоившись насчетъ чевякъ, Казы-Магометъ легъ, по прежнему, на постель и снова предался своей забавѣ; а мюридъ Хаджію, обдѣлавъ съ усердіемъ казеннаго деньщика всѣ

дѣла своего нѣма, нашелъ справедливымъ заняться теперь и собственными дѣлишками.

Присѣвъ на корточкы возлѣ своего друга Тауша, бережливый и опрятный Хаджіо прежде всего обратилъ вниманіе на производимыя имъ безчинства. Таушъ сидѣлъ тоже на карточкахъ передъ раскрытымъ чемоданомъ и развязывалъ саквы (*). Вынимая потомъ изъ нихъ свои вещи, чтобы сдѣлать укладку поумистѣе, онъ не клалъ ихъ обыкновеннымъ порядкомъ, какъ раскладывалъ Хаджіо и какъ кладутъ всѣ люди на свѣтѣ, но руководился въ этомъ случаѣ собственной манерою, которая, можетъ быть, могла доставить ему удовольствіе, но никакъ не пользу. Онъ не вынималъ вещей, а съ какимъ-то азартомъ выхватывалъ ихъ изъ чемодана или изъ сумы, а потомъ еще съ большимъ остервенѣніемъ бросалъ, или, вѣрнѣе, швырялъ на полъ, на стулъ, на кровать и на все, что только, по его соображенію, способно было произвести болѣе громкій и болѣе дисгармоническій звукъ, котораго, повидимому, такъ жаждало его безстрашное ухо. Ничто не давало повода думать, чтобы на такую ярость Таушъ былъ вызванъ какимъ нибудь обстоятельствомъ, повредившимъ доброму расположенію его духа, которое, повидимому, никогда его не оставляетъ; напротивъ, въ эту минуту, онъ былъ «въ ударѣ» болѣе, чѣмъ когда нибудь: каждое движеніе его сопровождалось сперва какимъ-то очень энергическимъ восклицаніемъ, потомъ звонкимъ беззаботнымъ смѣхомъ и наконецъ не менѣе звонкою и веселою пѣснью, ни одного разу, однако, не кончавшеюся, потому что съ послѣдующимъ швыркомъ начиналась пѣсня совсѣмъ другаго мотива и, по всей вѣроятности, совсѣмъ инаго содержанія.

Присидѣвъ нѣсколько времени въ своемъ интересномъ положеніи и поглядѣвъ съ безмолвною улыбкою на Тауша, Хаджіо наконецъ размѣялся и толкнулъ его подъ бокъ. Таушъ упалъ, но тотчасъ же вскочилъ и, закричавъ на своего пріятеля притворно гнѣвнымъ тономъ, обратился снова къ своему занятію, продолжая его тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде. Тогда Хаджіо всталъ, досталъ свои вещи и началъ разбирать ихъ, напѣвая, подобно Таушу, какую-то пѣсню, но только, повидимому, духовнаго содержанія.

Третій мюридъ, Керимъ-Магометъ, во все время пребыванія

(*) Переметныя сумы, мѣшки, изъ шерстяной матеріи, кавказской фабрикаціи.

въ Петербургѣ, былъ очень боленъ, и теперь лежалъ на постели, завернувшись въ енотовую шубу, полученную имъ, въ числѣ прочихъ товарищей, отъ Высочайшихъ щедротъ. Керимъ-Магометъ до крайности интересовалъ меня и наружностью своею и какимъ-то драматическимъ эпизодомъ, разыгравшимся въ моихъ глазахъ между нимъ и его товарищами. Его правильное, немного смуглое и чрезвычайно выразительное лицо, съ граціозно очерченными бровями и необыкновенно тонкимъ и прямымъ носомъ, способны были обратить на него вниманіе каждаго, самаго невнимательнаго прохожаго; а глаза его, умные, огненные, маслянистые и черные какъ агаты, совершенно поработили меня магнетическою силою своего долгаго, впивающагося и съ виду какъ будто добраго взгляда; но нѣтъ! всмотрѣвшись пристальнѣе въ эти глаза, если только достанетъ у кого нибудь на столько твердости, чтобъ не опустить передъ ними своего взгляда, нельзя было не замѣтить, что нѣтъ въ нихъ добра, а есть что-то зловѣщее, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, притягивающее къ этому человѣку всякаго другаго человѣка. Вотъ герой для романа! И, судя по отчужденію Керимъ-Магомета отъ своихъ товарищей, которые въ продолженіе этихъ трехъ дней, какъ я замѣтилъ, не сказали съ нимъ ни одного слова, судя по холодности къ нему самого Шамиля и его сына и, наконецъ, замѣчая на его лицѣ печальное, но суровое выраженіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, напряженное стараніе удалиться отъ земляковъ, нельзя было не придти къ убѣжденію, что въ квартирѣ Шамиля разыгрывается какаля-то драма, содержаніе которой, должно быть, чрезвычайно интересно. Да, очень интересно. А какъ узнать, въ чемъ состоитъ дѣло? Переводчикъ здѣсь бесполезенъ; одно средство — учиться ихъ языку. Буду учиться; а пока спрошу г. Богуславскаго, не знаетъ ли онъ, въ чемъ дѣло....

Передъ выѣздомъ своимъ изъ Петербурга въ Калугу, Шамиль съ такимъ теплымъ искреннимъ чувствомъ старался передъ посѣтителями своими выразить душевную признательность Государю Императору за милости, которыми онъ былъ осыпанъ такъ неожиданно и такъ, повидимому, непонятно для него самого. Нѣтъ сомнѣнія, что это великодушіе, а также и пріемъ, сдѣланный Шамилю петербургскою публикой, подѣйствуетъ на него тоже неожиданнымъ образомъ.

Явился г. Александровскій съ портретами всѣхъ горцевъ, снятыми имъ еще прежде г. Денъера. Портреты отличались разительнымъ сходствомъ и изяществомъ отдѣлки. Попавшись въ руки мюридовъ, портретъ Шамиля произвелъ между ними большую суматоху. «Ай, имамъ, имамъ!» закричали они, бросивъ завтракъ, долго и съ любовью разсматривали портретъ, сличая его съ оригиналомъ.

Одинъ экземпляръ каждаго портрета г. Александровскій подарилъ горцамъ, что, повидимому, доставило имъ большое удовольствие, и Шамиль тотчасъ же изъявилъ желаніе отправить свой портретъ съ Казы-Магометомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, къ женамъ. Такая внимательность доказываетъ, что онъ постоянно помнилъ о нихъ и вообще очень привязанъ къ своему семейству. Это подтверждаетъ и г. Богуславскій, рассказывавшій, кромѣ того, что Шамиль страстно любитъ дѣтей. Припоминая известное убѣжденіе, что человекъ, который любитъ дѣтей, не можетъ имѣть злаго сердца, нельзя не согласиться въ томъ, что отзывы г. Богуславскаго, бросая новый свѣтъ на личность имама, должны бы, кажется, еще болѣе смягчить невыгодное о немъ мнѣніе людей, такъ сильно противъ него вооруженныхъ. Впрочемъ, обстоятельство это, вѣроятно, разъяснится въ непродолжительномъ времени.

Для избѣжанія повтореній, я не вхожу въ подробности того, до какой степени гостинница была переполнена публикою; скажу только, что небольшое пространство, отдѣляющее квартиру Шамиля во второмъ этажѣ отъ парадной лѣстницы, мы прошли добрыхъ десять минутъ; а что касается до площади, то она, буквально, была запружена народомъ и экипажами: такъ много было желавшихъ взглянуть на имама въ послѣдній разъ. Даже люди менѣе любознательные, которыхъ личность Шамиля совсѣмъ не интересовала, или они спѣшили по своимъ дѣламъ, болѣе экстреннымъ, нежели прощанье съ нимъ, — даже и тѣ, по невозможности проѣхать черезъ площадь, противъ воли присоединялись къ толпѣ, и рады, не рады, а должны были повидаться съ Шамилемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое стеченіе публики Знаменская площадь видѣла развѣ въ то время, когда происходило открытіе желѣзной дороги. Шествіе Шамиля, поистинѣ, казалось торжествомъ. Сколько поцѣлуевъ было разослано хорошенькими ручками по воздуху! Сколько было восклицаній: «Прощайте, имамъ! Прощайте, Шамиль! Оставайтесь съ на-

ми, имамъ! Погостите еще у насъ!...» Шамиль не понималъ этихъ словъ; но онъ слышалъ восклицанія, видѣлъ на всѣхъ лицахъ одно и то же выраженіе симпатіи, — и этого было достаточно, чтобъ объяснить смыслъ представлявшейся ему картины, на первомъ планѣ которой былъ онъ самъ. Значеніе ея онъ понялъ какъ нельзя лучше, и жестъ, которымъ онъ отвѣчалъ публикѣ, тоже какъ нельзя лучше характеризовалъ его собственные чувства.

Такое небывалое стеченіе публики, по всей справедливости, требовало нѣкоторыхъ исключительныхъ мѣръ относительно пропуска на путевой дворъ; но это было напрасно: все, что было на площади, очутилось на путевомъ дворѣ и наполнило всѣ его залы и всѣ галлерей.

Въ распоряженіе имама отдана была цѣлая половина перво-класснаго вагона, состоящая изъ одной, очень большой комнаты, и изъ другой, вполнину меньше ея. Въ этой послѣдней помѣстились мы съ г. Богуславскимъ и съ полковникомъ Али-Беккомъ, который, впрочемъ, передъ вечеромъ оставилъ насъ; большую же половину занялъ Шамиль, съ сыномъ и съ мюридами.

Усѣвшись въ дальнемъ углу кареты, имамъ совсѣмъ не былъ видѣнъ публикѣ, тѣмъ болѣе, что и стекло въ дверцахъ кареты было поднято. Замѣтивъ нетерпѣливое и очень сильное желаніе зрителей видѣть имама, я сообщилъ объ этомъ г. Богуславскому, который обратился къ нему съ очень убѣдительною просьбою — доставить публикѣ удовольствіе проститься съ нимъ еще разъ. Шамиль тотчасъ же всталъ, подошелъ къ окну, собственноручно опустилъ стекло и, взявъ стулъ, сѣлъ прямо противъ окна. Это, повидимому, привело публику въ восторгъ: много шляпъ показалось въ воздухѣ, и много послышалось восклицаній самаго симпатическаго свойства. Шамиль былъ тронутъ: онъ безпрестанно прикладывалъ руку къ сердцу и къ головѣ и даже наклонялъ ее. Въ этомъ положеніи онъ просидѣлъ почти полчаса. Но вотъ раздался третій звонокъ, и опять поднялись шляпы и снова раздались восклицанія: «Прощайте, Шамиль! Прощайте, имамъ! Будьте здоровы! Приѣзжайте къ намъ! Скажите ему, что мы очень любимъ его! Скажите, что мы желаемъ ему очень много хорошаго!...» Г. Богуславскій переводилъ всѣ эти пожеланія; но это почти было напрасно: Шамиль понималъ ихъ, и — не буду утверждать положительно: можетъ быть, я и ошибался — но, право, мнѣ показалось, что на глазахъ его наverts-

валась слеза, которую онъ упорно старался удерживать, и успѣлъ-таки ее одолѣть....

Отгадывая по восклицаніямъ и по жестамъ значеніе третьяго звонка, Шамиль обратился къ г. Богуславскому и просилъ его передать публикѣ всю его признательность за ея вниманіе къ нему, за гостепріимство, за хлѣбъ-соль.

— Скажите имъ, пожалуйста, говорилъ онъ цвѣтистымъ арабскимъ языкомъ: — что я не могу выразить моихъ чувствъ словами: они слишкомъ для того глубоки и искренни; скажите только то, что вниманіе ихъ дѣлаетъ меня вполнѣ счастливымъ и доставляетъ такое удовольствіе, какого я не испытывалъ при полученіи извѣстія объ очищеніи Дарго въ 45-мъ году и какого не доставляли мнѣ успѣхи 43-го года въ Дагестанѣ!...

Въ эту минуту, машина свистнула, поѣздъ тронулся, и г. Богуславскій, къ крайнему своему сожалѣнію, не успѣлъ передать публикѣ короткихъ, но задушевныхъ словъ имама.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы доставить ихъ по адресу.

А. РУНОВСКІЙ.